

Научная статья

УДК 821.161.1 + 82.0

DOI 10.17223/18137083/82/10

«За репутацию сатиры»: о форме, содержании и прагматике стихотворных стилизаций «Искры»

Алексей Евгеньевич Козлов

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Аннотация

Корпус стихотворных пародий, сатирических произведений и стилизаций «Искры» традиционно рассматривается в социологическом аспекте как проект по изменению действительности и в формальном аспекте – как мнимая литература (или паралитература). В статье с опорой на прецедентные тексты 1860-х гг. предпринята попытка концептуализации этого явления в семиотическом, культурологическом и семантико-прагматическом аспектах. Отталкиваясь от стилизаций Д. Д. Минаева, В. П. Буренина и В. С. Курочкина, автор статьи показывает игровые стратегии и тактики, направленные на карнавальное переосмысление бытовой и политической действительности.

Ключевые слова

русская литература XIX века, теория пародии, Буренин, Минаев, Курочкин, «Искра», вторичность и альтернативность, карнавализация, гротеск, травестия, мнемоническая матрица

Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта для поддержки молодых ученых МК-302.2022.2: «“Видимый миру смех”: издательские практики, сюжетные механизмы и жанровые модификации в иллюстрированных еженедельниках XIX века»

Для цитирования

Козлов А. Е. «За репутацию сатиры»: о форме, содержании и прагматике стихотворных стилизаций «Искры» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 138–154. DOI 10.17223/18137083/82/10

© Козлов А. Е., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 138–154

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 138–154

“Sing in Different Rhythms”: the form, content, and pragmatics of the poetic stylizations of “Iskra”

Alexey E. Kozlov

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Abstract

The corpus of poetic parodies, satires, and stylizations of *Iskra*, based on precedent texts of the 1860s, is considered in the sociological (Benjamin, Bourdieu, Jampolsky, Rejtlat), semi-otic (Lotman, Toporov), cultural (Bakhtin) and semantic-pragmatic (Penskaya, Kulikova, Tselikova, Shabalina) aspects. Considering the stylizations of Dmitry Minaev, Viktor Burenin, Vasily Kurochkin, and Pyotr Veinberg, the author of the paper depicts the role-game strategies and tactics aimed at carnival rethinking of everyday and political reality. The analysis of the poem “My pseudonym” reveals that *Iskra* became a trademark, a brand, with its significance substantially exceeding that of a single name. Of particular illustrative value are the cases when a pseudonym was passed from one editor to another with no independent value. It is found that the satires and stylizations of “*Iskra*,” as well as most other democratic publications, are characterized by a conscious secondary form, the use of mnemonic matrices; the neglect of the author’s name in favor of the “party” name; metonymic transfers, the pictures of provincial disorder, particular evidence of general misfortune; metaphorical transfers, carnival rethinking (Bakhtin) of the canonical imperial history; the creation of an alternative literary project. The combination of these properties turns the field of satirical weeklies into a “collective” Don Quixote, proteanly associated with book culture and yet neglecting conditional but false prescriptions. The parodies considered combine baroque with postmodernist aesthetics, making these texts open for further interpretations and commentaries.

Keywords

Russian literature of the 19th century, theory of parody, Burenin, Minaev, Weinberg, *Iskra*, secondariness and alternativeness, carnivalization, grotesque, travesty, mnemonic matrix

Acknowledgements

The research was carried out within the framework of the grant for state support of young Russian scientists – candidates of sciences, no. MK-302.2022.2: “‘Laughter visible to the world’: publishing practices, plot mechanisms, and genre modifications in the 19th-century illustrated weeklies”

For citation

Kozlov A. E. “Sing in Different Rhythms”: the form, content, and pragmatics of the poetic stylizations of “*Iskra*”. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 138–154. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/10

Сатирические произведения и стилизации еженедельника «Искра» обычно рассматриваются как элементы литературной и социальной борьбы. Во многом это оправданно. Большинство этих текстов устаревает пропорционально изменению новостной повестки: написанные на злобу дня, они теряют свою актуальность, притом, что собственно эстетическими достоинствами, как правило, не обладают. Вероятно, по этой причине Ю. Н. Тынянов [1977] отнес такие тексты к мнимой литературе, а уделивший пристальное внимание реальному коммента-

рию пародий «Искры» И. Г. Ямпольский [1964] никогда не настаивал на оригинальности и художественности собранного им массива.

С точки зрения диалектики формы и содержания поэтические тексты «Искры» демонстрируют диссонанс: стилизации, метрически ориентированные на силлаботоническую лирику В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и др., как правило, обращались к современным литературным и социальным, внеположенным к литературе явлениям¹ (табл. 1).

Таблица 1

Стилизация: аспект формы

Table 1

Stylization: the form aspect

Оригинал	Стилизация
Молитвой нашей Бог смягчился; Царевне жить еще велел: Опять к нам Ангел возвратился, Который уж к Нему летел. В. А. Жуковский	Молитвой нашей Бог смягчился: Роман Тургенев сочинил, – И шар земной остановился, Нарушив стройный ход светил. В. С. Курочкин
По небу полуночи ангел летел И тихую песню он пел; И месяц, и звезды, и тучи толпой Внимали той песне святой. М. Ю. Лермонтов	Реакция тихо над темной землей Плыла в вышине голубой, И взоры кидала с высоких небес, И видела всюду прогресс. В. С. Курочкин
Солнце, солнце золотое, Всем тепло, красно с тобой! Твое небо голубое, <...> Распахнулось над землей. Царь мой!.. выслушай молитвы: Лик свой в тучах погаси, И по полю жаркой битвы Стрел каленых не носи! Луки витязей тугие Ты в железо иссушил, И колчаны боевые По неволе затворил. Слово о Полку Игореве, Д. И. Минаев	Не кукушка куковала за околицей на сене – Причитая, тосковала Тур Евгения на Сене: «Солнце, солнце! Ты пригрело Бокля, Милля вредный труд, И печатают их смело И в России издают. Солнце красное! На свете Жечь лучи твои могли, Так сожги ты книжки эти, Их листы испепели, Чтоб никто отравы не пил От зловещего труда, Чтобы даже самый пепел Разлетелся без следа» ² . Д. Д. Минаев

¹ По предварительным данным, собранным исследовательским коллективом, в «перепевах» абсолютно доминируют четырехстопный «онегинский» и вольный, разностопный «грибоедовский» ямб (> 43 и ≥ 20 %), далее – четырехстопный хорей (> 22 %), остальные, преимущественно трехсложные, ≥ 15 % [Vasilenko, 2021].

² Автор этой стилизации Д. Д. Минаев отталкивается от перевода «Слова», сделанного его отцом – специалистом по изучению древнерусской культуры Д. И. Минаевым.

Как замечает О. Е. Майорова, «излюбленный поэтами-“искровцами” жанр “перепева” <...> в отличие от пародии не предполагал дискредитации поэтического материала, а был ориентирован лишь на осмеяние предмета изображения» [Майорова, 1990, с. 309]. В то же время отдельный разряд составляют произведения, в которых пародирование формы и содержания совпадает: к таким относятся многочисленные и хорошо изученные пародии на лирику А. А. Фета [Целикова, 2007], в изобилии появлявшиеся на страницах «Искры» после 1866 г. пародии на поэмы Н. А. Некрасова. В этом случае, как правило, текст превращался в попури лейтмотивов, взятых из поэзии оппонентов (табл. 2).

Таблица 2

Стилизация: аспект содержания

Table 2

Stylization: the content aspect

Оригинал	Стилизация
<p>Ты помнишь, что было тогда, Как всюду ручьи бушевали И птиц косяками стада На север, свистя, пролетали.</p> <p>И видели мы средь ветвей, Еще не укрытых листьями, Как, глазки закрыв, соловей Блаженствовал в песне над нами.</p> <p>К себе зазывала любовь И блеском и страстью пахучей, Не только весельем дубов, Но счастьем и ивы плакучей.</p> <p style="text-align: right;">А. А. Фет</p>	<p>Ты помнишь ли майское утро одно? На скотном дворе мы сидели; Воскресный и радостный слышался звон, Цветочки на травке пестрели.</p> <p>Амурились мы и амурилось всё, С любовью живой и игривой, Цветы, соловьи и наседки, и скот – И даже репейник с крапивой³.</p> <p style="text-align: right;">Н. С. Курочкин</p>
<p>Нет ответа! Несчастные девы В чистом поле остались одни. Дикий хохот, лихие напевы Постепенно умолкли. Они Огляделись: безлюдно и тихо, Звезды с ясного неба глядят...</p> <p style="text-align: right;">Н. А. Некрасов</p>	<p>... Но, сатирик, скажи, для кого же ты Поднимаешь карающий крик? Пой различными самыми метрами, Негодуй в фельетонных стихах: Речь твоя разнесется, как ветрами В чистом поле разносится прах!⁴</p> <p style="text-align: right;">В. П. Буренин</p>

Устоявшийся репертуар метрических схем, обусловленных национальным канонем, кажется справедливым называть в этом случае не «семантическим ореолом», соотносимым с индивидуальной, коллективной и общей культурной памятью [Гаспаров, 2012; Лотман, 1997], а «мнемоническими матрицами», основной

³ Такой текст, собранный из лейтмотивов лирики А. А. Фета, соответствует пренебрежительной оценке Н. Г. Чернышевского: «Он положительный идиот: идиот, каких мало на свете» [Целикова, 2007].

⁴ Семантически связанная с социальной темой метрика Некрасова – «главного канонизатора дактилических рифм эпохи» [Гаспаров, 2012, с. 203] – активно использовалась поэтами «Искры».

функцией которых становится экстенсивная трансляция уже отработанных ритмических приемов. «Мнемоническая матрица» должна была помочь пародисту порождать новые и новые вариации текстов [Gronas, 2010] в условиях их массовой воспроизводимости [Беньямин, 1996]: быть при таких условиях сколько-нибудь оригинальным поэтом, конечно же, невозможно.

С этим связан и принцип организации еженедельника, во многом отличающийся от тех, что были приняты в толстых журналах [Зыкова, 2005]. Если начиная с Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина журнал был представлен сильным именем писателя или литературного критика [Русский реализм..., 2020], то «Искра» и подобные ей еженедельники вырабатывали принципиально иную стратегию позиционирования [Bourdieu, 1996]. На первый план выходили не имена сотрудников издания (например, участников обязательных соглашений), а некоторая партийная или цеховая солидарность: «Искра» становилась фирмой, брендом, значение которого было много выше имен братьев В. С. и Н. С. Курочкиных или карикатуриста Н. Степанова. Надежно скрытые за псевдонимами беллетристы, как правило, не держались одного псевдонима, выбирая десятки разных имен [Опыт и небывалое..., 2022]. Особенно показательны случаи, когда псевдоним передавался от одного сотрудника редакции к другому, не имея сколько-нибудь самостоятельной ценности.

Названный способ солидарности неоднократно декларировался и был частью программы: «Искра» оставалась полем анонимности и конспирации, представляя «коллективное тело», выступающее и говорящее от имени целой редакции⁵. Так, в стихотворении В. П. Буренина «Мой псевдоним» (стилизации «Моей родословной» А. С. Пушкина) личность лирического героя уничтожалась до устойчивого, опознаваемого в газетно-журнальной коммуникации знака.

В разгар времен прогресса бурных,
Иль в наши дни, как пресса спит,
Среди имен литературных
Мое прозвание не блеснит,
Подобно дюжинным писакам,
Я не совался всюду с ним,
И к славе авторской не лаком,
Всегда был только **псевдоним**
(Буренин, 1867, с. 708).

Как и оригинал, «Мой псевдоним» построен на антитезе значимого и незначимого имени (Пушкинский обзор переходит в эпиграмму, направленную против пасквилянта, издателя «Северной пчелы» Ф. В. Булгарина), однако логика этой антитезы меняется. Псевдоним, по логике этого текста, избавляет автора и от персональной ответственности за сказанное слово, и от основных функций литератора.

*Ни беллетристом, ни поэтом,
Ни даже критиком родным*

⁵ Отсутствие имени становилось неотъемлемой частью игры с читателем и многократно декларировалось: «Я гласности, я гласности желаю

В столбцах газет, –
Но формулы, как в алгебре, встречаю:
X, Y, Z» [Ямпольский 1964, с. 14].

Я не желаю быть пред светом
И потому я **псевдоним**
(Буренин, 1867, с. 708).

В стихотворной стилизации происходит значимое перераспределение смысла: каждое имя наделяется репутацией, которая при необходимости может быть развернута в краткое и, как правило, оценочное повествование [Опыт и небывалое..., 2022]. Так, издатели «Русского вестника» и «Москвитянина» М. Н. Катков и М. П. Погодин представлены как ретрограды и консерваторы; поставленный в одном ряду с А. Н. Майковым автор «Петербургских сатир» (в частности, микроцикла «О погоде») Н. А. Некрасов назван здесь создателем «клубных од» – жестокий намек на отчаянный поступок поэта, пытавшегося спасти «Современник». Упоминаемые далее (Л. Н. или А. К.?) Толстой и А. Н. Островский показаны как представители исторической литературы, лишенной занимательности и правдоподобия, а В. В. Крестовский и Н. С. Лесков – как авторы скандальной «трусобной беллетристики» [Козлов, 2021]. Тот же принцип распространяется и на критику, позволяя соединить в одной строфе «словоблудие» Е. Н. Эдельсона, П. В. Анненкова и Е. Ф. Зарина. В итоге «скромный псевдоним» оказывается в суперпозиции: он неуязвим для нападок, потому что за ним не стоит конкретная личность.

Как критик дрянненьких журналов,
Я не морочил жалко свет
На счет «Принципов, идеалов»
И всякой «Суеты сует»⁶;
За Ханов рубль иль полтинник
Я не скрипел пером своим,
Я просто Выборгский пустынный,
А не известный псевдоним⁷
(Буренин, 1867, с. 708).

Такие тексты, восходящие к водевилям «Репертуара и Пантеона», фельетонам Нового поэта (И. И. Панев, Н. А. Некрасов), поэзии Конрада Лилиешвангера (Н. А. Добролюбов), манифестируют ключевой принцип реальной критики: ути-

⁶ «Мой Псевдоним» стал реакцией на реплику обозревателя журнала «Всемирный труд» Н. И. Соловьева в статьях «Принципы и идеалы» и особенно «Суета сует»:

На нас вообще эта столь распространенная игра в прятки производит чрезвычайно тяжелое впечатление. Ужели в самом деле нельзя вести дела на чистоту, так, чтобы всякий читатель видел, с кем имеет дело, кого читает? Ужели мы, столь много говорившие о гласности, не сочтем нужным применить к себе этого правила, и останемся даже в наших критических статьях безгласными, безымянными? Неподписанная статья, как и неподписанная бумага, всегда способна возбуждать недоверие (Соловьев, 1867, с. 179).

Обвиняя литературные маскарады в беспринципности, критик перечислил «деятелей, не могущих по своему убожеству даже и раз в жизни подписать своего имени. Сюда, разумеется, относятся разного рода *Незнакомцы*, *Стародумы*, *Выборгские пустынные* и другие литературные инфузории, гнездящиеся в наших листках и фельетонах» (Соловьев, 1867, с. 181).

⁷ Разойдясь с «Искрой», В. П. Буренин начал сотрудничать в «Санкт-Петербургских ведомостях», сократив свою подпись до совсем уже ничего не значащей буквы Z [Пенская, Куликова, 2018; Шабалина, 2012].

литарность используемой формы [Румянцева, 2007], первичность содержания, направленного на изменение социальной действительности, и отказ от отвлеченного искусства, существующего в себе и для себя⁸ (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение имени и псевдонима

Table 3

Correlation between the name and the pseudonym

Имя	Псевдоним
Персональное	Коллективное
История, литература	Политика, журналистика
Биография, репутация	Репутация

Зазор между эстетическим как «приятным» / благонамеренным и «неприятным» как реальным и отталкивающим прослеживается во многих стихотворениях «искорцев». Можно говорить о целом репертуаре стихотворений, отражающих служебные дела и ревизии. Так, в стихотворении «Идеальная ревизия» грозный голос ревизора постоянно перебивается лебезящим голосом чиновника-городничего.

- Дороги у вас в околотке!
Ухабы, озера, бугры!
- *Пожалуста, рюмочку водки;
Пожалуста, свежей икры.*
- Дороги, положим, безделки;
Но был я в остроге у вас...
- *Пожалуста, старой горелки,
Галушек, грибочков, колбас.*

Негативной критике противопоставлен целый реестр блюд и напитков: меню, которое становится к концу текста всё более изысканным и утонченным, побеждает «сгущающуюся» реальность:

- Вы факт не один привели...
- *Угодно-с икемцу, лафиту?
Угодно-с рейнвейну, шабли?*
- Положим, что вы увлекались...
- Сходило предместнику с рук...
- *Сигарочку вам-с: имперьялис,
Регалия, упман, трабук.*

⁸ Частным примером является сатира П. И. Вейнберга «Оставь!», написанная от лица «бледного эстетика»:

Ведь мы «искусству для искусства»
С тобою служим, ангел мой...
Так для чего же портить чувства
Всей этой жалкой ерундой?
(цит. по: [Ямпольский, 1964, с. 15]).

– Положим, я строг через меру,
 И как-нибудь дело сойдет...
 – *Пожалуста... Эй! Редереру!*
Поставить две дюжины в лед!

Близкой по форме оказывается и сатира «В нашем городе жизнь улыбается», встроенная в фельетон «Уездный городок». Обличительная часть первых восьми строф отражается, как в кривом зеркале, в последующих строфах. По замыслу пародиста, второй текст – это результат переработки исходного произведения, возникший под давлением губернского начальства, испугавшегося гласности. Читатель наблюдает метаморфозу, иллюстрирующую работу местной и государственной цензуры (табл. 4).

Таблица 4

Стилизация: перевод сатиры в мадригал

Table 4

Stylization: conversion of the satire into the madrigal

Оригинальный текст	Текст после губернской цензуры
В нашем городе жизнь улыбается Прощельгам одним да ворам; Что ни шаг – то душа возмущается, Как пойдешь по уездным дворам.	В нашем городе жизнь улыбается Всем, кто в городе только живет, И невольно слеза проливается, Если ступишь ногой из ворот.
Залита грязью площадь базарная, И разбитый гниет тротуар; Здесь нередко команда пожарная Прикатит без воды на пожар.	Мостовой крыта площадь базарная, Тротуар, как картинка на вид, Аккуратна команда пожарная, В фонарях керосин здесь горит.
Всё начальство пропахло здесь взятками.	Здесь начальство гнушается взятками,
Всем берут – что кладут на весы: Ситцем, сахаром, чаем, лошадами И, пожалуй, куском колбасы.	И привычки такие давно Называют привычками гадкими: «Брать-де стыдно теперь и грешно».
Здесь обычай такой городничего: Если в лавку поедет жена – Говорит: «Ты, смотри, не купи чего – Лавка даром давать мне должна».	Городничий у нас... городничего Мы такого не сыщем нигде (Не всегда лишь умеют постичь его) – Он любому поможет в беде.
Наш исправник старинного норова, Пьет за двух он тринадцатый год, А уж грабит – так грабит он здорово Да и ухом себе не ведет.	Наш исправник без всякого норова, Ведь хмельного и в рот не берет, А поймает он вора которого – То его со слезами дерет.
Не боясь обличенья столичного, Лихоимством живет наш судья; По словам стихотворца отличного: «При колодце пустынь он бадья».	Наш судья же не тронет и волоса, Если видит, что прав человек, И в статейках издания «Голоса» Одобряет он нынешний век.

<p>Сплетни, карты, баталии с женами, Вот и всё, что встречаешь у нас; С крючкотворами теми прожженными Не зевай, попадешься как раз.</p> <p>В нашем городе жизнь улыбается Прошелягам одним да ворами; Что ни шаг – то душа возмущается, Как пойдешь по уездным дворам.</p>	<p>Сплетни, пьянство, с семейством баталии – Их не знает у нас гражданин; Здесь у женщин высокие талии И высокая честь у мужчин.</p> <p>В нашем городе жизнь улыбается Всем, кто в городе только живет. И невольно слеза проливается, Если ступишь ногой из ворот.</p>
---	--

Два совпадающих по ритмической организации текста в то же время отражают ни в чем не сходные картины мира. Если исходный текст в большей мере тяготеет к обличительному направлению в русской литературе, то его «вторая редакция», появившаяся в результате «отеческой переработки», иллюстрирует один из принципов работы цензуры: создается во всех отношениях посредственный текст, тяготеющий к провинциальным мадригалам или поздравительным открыткам. Читатель «Искры» мог выбрать любую из этих картин мира, однако посредством сатирического еженедельника он обретал возможность стать сопричастным некоторому антимиру, в котором события национальной истории, явления искусства и литературы, современная политическая и социальная повестка приобретали карнавальное переосмысление⁹.

Ярким примером такого переосмысления [Бахтин, 1973], во многом связанного с нигилистическим отрицанием декларируемых на государственном уровне основ, являются стихотворения Д. Д. Минаева «Годовщина общего собрания акционеров главного общества российских железных дорог» и «Два века». В обоих стихотворениях, отталкиваясь от пушкинской метрики, фразеологии и идиоматики, поэт осмысляет капиталистические процессы в пореформенной России¹⁰. Так, исторический фундаментализм редуцируется в описание собрания акционеров.

В великий день поверки сумм,
Отчетов, смет и изысканий
Мы говорили: «Был же шум
В начале наших заседаний!
Ведь оппозиция была
И сколько совершила зла!
Но наш совет остался твердым,
Умолк противников задор,
И мы молчаньем нашим гордым
Неравный выравняли спор.

⁹ Заметим, что по такому же принципу устроен псевдоисторический мир «Истории одного города» и «Господ помпадуров» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

¹⁰ «Верификационный талант Минаева», по мнению О. Е. Майоровой, «был связан с его подлинной поэтической культурой, с органичным использованием литературных традиций» [Майорова, 1990, с. 310]. Минаев, по указанию автора библиографической статьи, «с пиететом относился к наследию Пушкина и Лермонтова (что явилось одной из причин его разрыва в 1864 г. с журналом “Русское слово”, отстаивавшим писаревские идеи “разрушения эстетики”» [Там же].

И что ж? Недавний свой урон
Они кичливо позабыли,
Забыли все, как Стасов, Крон
Поражены советом были.
И снова каждый сует нос
В известный денежный вопрос.
Но мы никак своим вниманьем
Не удостоим их ни в чем
И так же гордо, как молчаньем,
Их одолеем большинством
(Поэты «Искры», 1955, т. 2, с. 87).

В другом стихотворении «Два века» Д. Д. Минаев обращается к сюжету «Медного всадника» [Топоров, 2003], противопоставляя демиургу Петру некоего акционера водопроводов. Знаменательно, что в сравнении с оригинальным пушкинским текстом первая часть, описывающая грезы акционера, количественно больше, при этом строительным материалом становятся различные, хотя и имеющие статус хрестоматийных, цитаты из Пушкина:

«Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой».
На берегу Невы широкой,
Меж двух высоких пристаней,
Где волны прядали сердито
У ног недвижимого гранита –
Акционер один стоял
И вдаль глядел. Пред ним, как львица,
Река неслася. Город спал.
Безмолвна шумная столица.

Вдоль берегов суда стоят,
Не мчатся лодки, гички, яхты,
Пустынны площади, – и спят
Дома, казармы, гаупвахты,
Трактиры, будки, кабаки,
Аптеки, лавки, рестораны,
И утра раннего туманы,
Прозрачны, влажны и легки,
Бегут над городом. Венера
На светлом небе чуть видна...
И в этот час не знал лишь сна
Пытливый ум акционера
Водопроводов. Думал он,
Любуясь площадью свободной:
Большой бассейн водопроводный
Здесь будет нами заложен;
Проект огромный, строгий, важный
(Поэты «Искры», 1955, т. 2, с. 122).

Логика пародии и память исходного текста позволяют провести параллель между историей чудесного создания Петербурга в «Медном всаднике» и некоторым

огромным, строгим, важным проектом, ключевым свойством которого является обуздание водной стихии.

Реальное положение дел далее описывается лаконично и кратко.

Прошло сто лет. Иное племя
В столице севера живет,
«Пчелу» и «Почту», «Наше время»
Забыл бесчувственный народ.
Не пел Зарин о ласках «милой»,
Сразил Чичерина недуг,
И над Скарятина могилой
Ходил поплакать добрый внук.

Прошло сто лет. Стоят обломки,
Гниют в канавах труб ряды,
И всё, как прежде, ждут потомки
Водопроводов и воды.

Как прежде, в городе, на даче,
В июльский день, зимой в мороз,
На изнуренной чахлой кляче

Развозит воду водовоз
(Поэты «Искры», 1955, т. 2, с. 89).

Проецируя эту вариацию на оригинал, мы можем прийти к довольно любопытному историсофскому выводу. Вместо мифа о золотом веке и Петре-демиурге, как видим, в сюжете развернута история водопровода, трубы от которого «похоронили ради бога». При этом сама российская действительность предстает в своем неизменном виде (заставляя вспомнить доимперский пейзаж оригинального текста: *приют убогого чухонца, печальный пасынок природы*): ущербная, грязная и страшная, ставшая жертвой дележа со стороны акционеров [Пономарева, 2021], она совершенно равнодушна к «чающим движенья воды» потомкам. Разумеется, социальная тема продолжает доминировать, но она вновь и вновь осложняется некоторыми вневременными историсофскими обертонами¹¹ (табл. 5).

Таблица 5

Соотношение мира и антимира (карнавализация)

Table 5

Correlation between the world and the anti-world (carnival deconstruction)

Мир	Антимир
Империя, национальная история	Собрание случайностей, курьезов и анекдотов
Исторические и государственные деятели	Куклы и уроды
Национальное искусство (литература, живопись, театр)	Недоразумение
Канон	Основа для пародий

¹¹ Такой взгляд в будущее едва ли не позволяет провести параллель между Минаевым и русскими футуристами [Майорова, 1990], где «Два века» предвосхищают «Летающего пролетария» Маяковского (при этом «водопроводов» прочитывается как фамилия, а не как имя нарицательное).

Разумеется, такое скептическое и недоверчивое отношение к общему национально-историческому прошлому и нигилистическое отрицание имперских амбиций литературы золотого века вызывало раздражение со стороны консервативной части общества. Обращаясь к разговору о прагматике русской сатиры и признавая ее достоинства, Ф. М. Достоевский писал о психологическом парадоксе, возникающем при чтении фельетонной поэзии и прозы:

Русская сатира как бы боится хорошего поступка в русском обществе. Встретив подобный поступок, она приходит в беспокойство и не успокаивается до тех пор, пока не приищет где-нибудь, в подкладке этого поступка, подлеца. Тут она тотчас обрадуется и закричит: “Это вовсе не хороший поступок, радоваться совсем нечему, видите сами, тут тоже подлец сидит!”» (Достоевский, 1995, с. 30).

Казалось бы, такая прагматическая заостренность должна была определить кратковременный характер их жизни в культурной памяти [Лотман, 1997, Чумаков, 1999]. Однако, не став частью большого литературного канона, сатиры и стилизации большинства иллюстрированных еженедельников организовали отдельную орбиту, во многом – пародически – изоморфную русской классике, а во многом существующую по собственным законам и движущуюся по самостоятельной траектории [Дубин, 2010, Рейтблат, 2009]. Разумеется, признание этих сатир и стилизаций как полноценных литературных фактов было обусловлено марксистско-социологическим поворотом советского литературоведения, выстраивающего идеологическую мифологию, подкрепляемую социально-политическими свидетельствами культурной жизни. При этом сами пародисты – темные люди русской литературы¹² – зачастую сомневались в том, что они в действительности могут что-либо изменить. Об этом писал Минаев, обращаясь к октавам «Домика в Коломне»:

Скорей за репутацию сатиры
И отвечай: вы правы! Мы скромны,
Не кровопийцы мы и не вампиры,
Но в этом нет еще вины,
Как думают различные задиры.
Когда нет зла среди родной страны,
Где каждый счастьем близких только занят,
Где без улыбки праздничной лица нет.

Сатира с отрицаньем неразлучна,
А мы давно девизом запаслись,
Что вокруг всё обстоит благополучно
И искренно поверив в тот девиз,
Нашли, что и без смеха нам не скучно,
А если б даже им мы увлеклись,
То этот смех не смех ведь, а скорее
Хихиканье ливрейного лакея
(Поэты «Искры», 1955, т. 2, с. 287).

Еще более категоричен оказался «отец» «Искры» В. С. Курочкин, в одном из своих стихотворений писавший от лица современного дельца-эпикурейца:

¹² Один из псевдонимов Д. Д. Минаева – *Темный человек*.

Пусть в Петербурге полмиллиона
Людей хохочет мне в ответ,
Я ставлю твёрдо, непреклонно
Вопрос: нужна она иль нет?
И вот, приняв в соображение
Объём вопроса, весь, сполна,
Я смело вывожу решение:
– *Литература не нужна.*

Когда есть в обществе идея,
Она получит кровь и плоть —
Так рассуждаю я, жирея
(Спасибо, жиру дал господь!).
Её, среди житейских шквалов,
Выводит практика одна,
А не суждения журналов.
– *Литература не нужна.*
(Поэты «Искры», 1955, т. 1, с. 372).

Эта критика современного невзыскательного читателя становится одновременно авторефлексией, в которой утверждается бесполезность каких-либо эстетических средств для воздействия на социальную действительность.

* * *

Итак, сатиры и стилизации «Искры» (как и большинства других демократических изданий) характеризуются 1) осознанной вторичностью формы – использованием мнемонических матриц; 2) небрежением авторским именем – в пользу «партийного» имени; 3) метонимическими переносами – картинами провинциального неустройства, являющимися частным свидетельством общего неблагополучия; 4) метафорическими переносами – карнавальным переосмыслением канонической имперской истории; 5) созданием альтернативного литературного проекта. Совокупность этих свойств превращает поле сатирических еженедельников в «коллективного» Дон Кихота, протейчески связанного с книжной культурой и одновременно пренебрегающего условными, но ложными предписаниями¹³.

От того, какой взгляд сфокусируется на этом явлении в будущем, зависят и его аксиология, и его анализ, и комментарий.

¹³ В этом свете новое прочтение получает опубликованный в «Искре» «Портрет многих» – лирический отклик на статью И. С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот»:

Не прельщу никого я собой,
И любить меня, что за охота:
Я неловкий, несчастный герой
В шутовском колпаке Дон-Кихота!
Жизнь мою окружал страшный мрак.
Жив на свете, не видел я света,
Хоть рядился порой, как дурак,
И в мишурное платье Гамлета!
(Портрет многих, 1861, с. 509).

Список литературы

- Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1973. 502 с.
- Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / Под ред. Ю. А. Здорова. М.: Медиум, 1996. 240 с.
- Гаспаров М. Л.* Метр и смысл. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 416 с.
- Дубин Б. В.* Классика, после и рядом: социологические очерки о литературе и культуре. М.: НЛО, 2010. 344 с.
- Зыкова Г. В.* Поэтика русского журнала 1830–1870 гг. М.: Изд-во МГУ, 2005. 204 с.
- Козлов А. Е.* Сатирический еженедельник «Искра»: опыт реинтерпретации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 6: Журналистика. С. 19–34. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-19-34
- Лотман Ю. М.* Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. СПб.: Искусство, 1997. С. 410–413.
- Майорова О. Е.* Минаев, Дмитрий Дмитриевич // Русские писатели. М.: Сов. энциклопедия, 1990. Т. 2. С. 309–311.
- Опыт и небывалое в литературе и культуре. *Studia Russica Helsinkiensia et Tartuensia XVIII* / Под ред. Т. Н. Степанищевой. Тарту, 2022. 322 с.
- Пенская Е. Н., Куликова Е. Ю.* Литературные и эстетические парадоксы Виктора Буренина // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 82–92. DOI 10.17223/18137083/62/11
- Пономарева А. А.* А. Ф. Писемский и акционерное учредительство середины XIX века: экономические процессы и комментирование произведения (роман «Взбаламученное море») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 2: Филология. С. 110–119. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-2-110-119
- Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: НЛО, 2009. 239 с.
- Румянцева В. Н.* Стихотворный фельетон середины XIX века: Н. А. Некрасов, В. С. Курочкин, Д. Д. Минаев: Дис. ... канд. филол. наук. Оренбург, 2007. 234 с.
- Русский реализм XIX века. Общество, знание, повествование / Под ред. А. Вдовина, К. Осповата, М. Вайсман. М.: НЛО, 2020. 568 с.
- Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство, 2003. 616 с.
- Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
- Шабалина Н. Н.* Литературный скандал в критике В. П. Буренина // Учен. зап. Казан. ун-та. 2012. Т. 154, кн. 2. С. 145–150.
- Чумаков Ю. Н.* «Евгений Онегин» и стихотворная беллетристика 1830-х годов // Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 1999. С. 123–178.
- Целикова Е. В.* Феномен пародийной личности А. А. Фета в творчестве поэтов «Искры» // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. № 11 (32). С. 234–237.
- Ямпольский И. Г.* Сатирическая журналистика 1860-х годов. М.: Худож. лит., 1964. 624 с.
- Bourdieu P.* Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field. Stanford University Press, 1996, 409 p.

Gronas M. *Cognitive Poetics and Cultural Memory: Russian Literary Mnemonics*. Routledge, 2010. 188 p.

Vasilenko A. G. Parody and Caricature in the Satirical Weeklies: Conventions of Perception and Conflict of Interpretations // SHS Web of Conf. 2021. Vol. 94 (Sustainable Development of Regions 2020 – XVI International Scientific and Practical Conference “State. Politics. Society”). DOI 10.1051/shsconf/20219402001

Список источников

- Портрет многих // Искра. 1861. № 36. С. 509.
Буренин – Выборгский пустынный [В. П. Буренин]. Мой псевдоним // Искра. 1867. № 19. С. 708.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1877. Январь. Глава вторая. IV Русская сатира. «Новь». «Последние песни» // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 30–36.
Поэты «Искры»: В 2 т. / Подгот. И. Г. Ямпольского. Л.: Сов. писатель, 1955. Т. 1. 809 с.; Т. 2. 1057 с.
Соловьев Н. И. Суета сует // Всемирный труд. 1867. № 2. С. 2–67.

References

- Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Voprosy literatury i estetiki. Researches of different years]. Moscow, 1973, 502 p.
Ben'yamin V. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti. Izbrannye esse* [The work of art in the epoch of its technical Reproducibility. Selected essays]. Yu. A. Zdorovyy (Ed.), Moscow, Medium, 1996, 240 p.
Bourdieu P. *Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*. Stanford Uni. Press, 1996, 409 p.
Chumakov Yu. N. “Evgeniy Onegin” i stikhotvornaya belletristika 1830-kh godov [“Eugene Onegin” and verse fiction of the 1830-ies]. In: Chumakov Yu. N. *Stikhotvornaya poetika Pushkina* [Verse poetics of Pushkin]. St. Petersburg, State Pushkin Theater Center in St. Petersburg, 1999, pp. 123–178.
Dubin B. V. *Klassika, posle i ryadom: sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [Classics, after and besides: sociological essays on literature and culture]. Moscow, New Literary Observer, 2010, 344 p.
Gasparov M. L. *Metr i smysl* [Meter and meaning]. Moscow, Fortuna EL, 2012, 416 p.
Gronas M. *Cognitive Poetics and Cultural Memory: Russian Literary Mnemonics*. Routledge, 2010, 188 p.
Kozlov A. E. Satiricheskiy ezhenedel'nik “Iskra”: opyt reinterpretatsii [Satirical weekly “Iskra”: the experience of reinterpretation]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2021, vol. 20, no. 6: Journalism. pp. 19–34. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-19-34
Lotman Yu. M. Massovaya literatura kak istoriko-kul'turnaya problema [Mass literature as a historical and cultural problem]. In: Lotman Yu. M. *O russkoy literature. Stat'i i issledovaniya: istoriya russkoy prozy, teoriya literatury* [On Russian literature. Articles and studies: history of Russian prose, theory of literature]. St. Petersburg, Iskusstvo, 1997, pp. 410–413.

Mayorova O. E. Minaev, Dmitriy Dmitrievich. In: *Russkie pisateli* [Russian writers]. Moscow, Sov. entsikl., 1990, vol. 2, pp. 309–311.

Opyt i nebyvaloe v literature i kul'ture. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XVIII [Experience and unprecedented in literature and culture. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XVIII]. T. N. Stepanishcheva, Tartu, 2022, 322 p.

Penskaya E. N., Kulikova E. Yu. Literaturnye i esteticheskie paradoksy Viktora Burenina [Literary and Aesthetic Paradoxes of Viktor Burenin]. *Siberian Journal of Philology*. 2018, no. 1, pp. 82–92. DOI 10.17223/18137083/62/11

Ponomareva A. A. A. F. Pisemskiy i aktsionernoe uchreditel'stvo serediny 19 veka: ekonomicheskie protsessy i kommentirovanie proizvedeniya (roman “Vzbalamuchennoe more”) [Pisemsky and the joint-stock founding of the mid 19 century: economic processes and commentary of the work (novel “The Disturbed Sea”)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2021, vol. 20, no. 2: Philology. pp. 110–119. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-2-110-119

Reytblat A. I. *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature]. Moscow, New Literary Observer, 2009, 239 p.

Rumyantseva V. N. *Stikhotvornyy fel'eton serediny 19 veka: N. A. Nekrasov, V. S. Kurochkin, D. D. Minaev* [A poetic feuilleton of the mid-19th century: N. A. Nekrasov, V. S. Kurochkin, D. D. Minaev]. Orenburg, 2007, 234 p.

Russkiy realizm 19 veka. Obshchestvo, znanie, povestvovanie [Russian realism in the 19th century. Society, knowledge, narration]. A. Vdovin, K. Ospovat, M. Vaysman (Eds.). Moscow, New Literary Observer, 2020, 568 p.

Shabalina N. N. Literaturnyy skandal v kritike V. P. Burenina [Polemics as propaganda means of V. P. Burenin's literary-critical views (by material of belles-léttres of the 70-90s of the XIXth Century)]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta*. 2012, vol. 154, bk. 2, pp. 145–150.

Toporov V. N. *Peterburgskiy tekst russkoy literatury* [Petersburg text of Russian literature]. St. Petersburg, Iskusstvo, 2003, 808 p.

Tselikova E. V. Fenomen parodiynoy lichnosti A. A. Feta v tvorchestve poetov “Iskry” [Phenomenon of the parody personality of A. A. Fet in works of “Iskra” poets]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2007, no. 11 (32), pp. 234–237.

Tynyanov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of Literature and Cinema]. Moscow, Nauka, 1977, 574 p.

Vasilenko A. G. Parody and Caricature in the Satirical Weeklies: Conventions of Perception and Conflict of Interpretations. *SHS Web of Conf. 2021. Vol. 94 (Sustainable Development of Regions 2020 – XVI International Scientific and Practical Conference “State. Politics. Society”)*. DOI 10.1051/shsconf/20219402001

Yampol'skiy I. G. *Satiricheskaya zhurnalistika 1860-kh godov* [Satirical Magazines of 60th of XIX century]. Moscow, Khudozh. lit., 1964, 624 p.

Zykova G. V. *Poetika russkogo zhurnala 1830–1870 gg.* [Poetics of the Russian periodical magazine (1830–1870)]. Moscow, MSU Publ., 2005, 204 p.

List of sources

Burenin – Vyborgskiy pustynnik [V. P. Burenin]. Moy psevdonim [Burenin – Hermit from Vyborg [V. P. Burenin]. My pseudonym]. *Iskra*. 1867, no. 19, p. 708.

Dostoevskiy F. M. Dnevnik pisatelya. 1877. Yanvar'. Glava vtoraya. IV Russkaya satira. "Novy". "Poslednie pesni" [Diary of a Writer. 1877. January. Chapter Two. IV Russian satire. "Novy." "The Last Songs"]. In: Dostoevskiy F. M. *Sobr. soch.: V 15 t.* [Collected Works: In 15 vols]. St. Petersburg, Nauka, 1995, vol. 14, pp. 30–36.

Poety "Iskry": V 2 t. [Poets of Iskra: In 2 vols.]. I. G. Yampol'sky (Prep.). Leningrad, Sov. pisatel', 1955, vol. 1, 809 p., vol. 2, 1057 p.

Portret mnogikh [Portrait of the many]. *Iskra*. 1861, no. 36, p. 509.

Solov'ev N. I. Sueta suet [Vanity of vanities]. *Vsemirnyy trud*. 1867, no. 2, pp. 2–67.

Информация об авторе

Алексей Евгеньевич Козлов, кандидат филологических наук
WoS Researcher ID K-6578-2017

Information about the author

Alexey E. Kozlov, Candidate of Philology
WoS Researcher ID K-6578-2017

*Статья поступила в редакцию 25.08.2022;
одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 15.11.2022
The article was submitted on 25.08.2022;
approved after reviewing on 15.11.2022; accepted for publication on 15.11.2022*